

Иван Сергеевич Тургенев

**Генерал-поручик Паткуль.
Соч. Нестора Кукольника**

Иван Тургенев

**Генерал-поручик Паткуль.
Соч. Нестора Кукольника**

«Public Domain»

1846

Тургенев И. С.

Генерал-поручик Паткуль. Соч. Нестора Кукольника /
И. С. Тургенев — «Public Domain», 1846

Реакционно-романтические драмы Кукольника в идейно-художественном отношении противостояли прогрессивной реалистической литературе 30-х годов. Кукольник явился главой целой школы. За ним следовали такие драматурги, как Н. А. Полевой, П. Г. Ободовский, Р. М. Зотов и др. Имея в виду Кукольника и его последователей, Тургенев писал, что их «произведения <...> проникнутые самоуверенностью, доходившей до самохвальства, посвященные возвеличиванию России во что бы то ни стало, в самой сущности не имели ничего русского: это были какие-то пространные декорации, хлопотливо и небрежно воздвигнутые патриотами, не знавшими своей родины». В статье о «Генерал-поручике Паткуле» Тургенев решительно выступил против попыток Кукольника исказить историческую действительность как в изображении главного героя, его характера и поведения в тех или иных условиях, так и в деталях.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	8
Комментарии	

Иван Сергеевич Тургенев

Генерал-поручик Паткуль. Трагедия в пяти действиях, и в стихах. СПб. Сочинение Нестора Кукольника

«Генерал-поручик Паткуль» назван автором, вероятно, не без причины трагедией, а не исторической драмой. Слово трагедия, хотя и утратило свой первобытный, древний смысл, всё же переносит читателя в ту идеальную сферу искусства, где действующие лица являются представителями великих вопросов, великих событий человечества, где совершается борьба между двумя коренными началами жизни и где, следовательно, трагик имеет право, для большего торжества истины, жертвовать фактами, внешней вероятностью^{1[26]}. В произведении г. Кукольника одно лицо – Паткуль наполняет всю сцену; *пафос* (мы бы весьма желали заменить это слово другим, в угоду тем насмешливым и острым людям, которым оно не нравится, но не находим другого), его пафос – величие Петра, возникающей Руси, нового царства, нового народа... Остальные лица – Август, Карл, любовницы и министры Августа служат только рамой картине. Нам кажется, что автор употребил во зло признанное за ним право изменять события: вся его трагедия исполнена анахронизмов, на которые мы укажем ниже; во всяком случае едва ли следовало заставить Паткуля (на стр. 84) говорить о Мольере, как о живом человеке, тридцать три года после его смерти.^[1] Но прежде, чем приступим собственно к разбору произведения г. Кукольника, нам хочется поговорить о самом Паткуле как об историческом лице.^[2]

Графиня Кёнигсмарк² говорит у г. Кукольника, что

Царя Петра великое лицо
Испуганной Европе представляет
Великий Паткуль... —

и хоть тогда, за три года до Полтавской битвы, Европа не могла «пугаться» Петра,^[3] — но мысль противопоставить юную Русь старой Европе, показать нам представителя нашего великого царя среди блестящего и развратного двора Августа, эта мысль действительно могла бы служить основанием замечательного художественного произведения. Как ее выполнил г. Кукольник — увидим ниже, но теперь мы должны объявить, что в наших глазах Паткуль не заслуживает чести быть *таким* представителем Петра. Рожденный с сердцем горячим и благородным, с умом изворотливым и тонким, он в молодости своей смело восстал за права своей родины — и пострадал за свою смелость; осужденный за позорную казнь, если не раскаялся в своей опрометчивости, то по крайней мере всячески старался загладить ее дурные последствия, просил, писал умоляющие письма; раздраженный отказом, напрасным унижением, старался отомстить шведскому правительству сперва сочинениями, потом делами;³ вел жизнь

¹ «Насколько может трагик отступить от исторической истины? Во всем, что не касается до *характера* действующего лица, — насколько угодно. Но *характеры* должны быть ему священны Малейшее *существенное* изменение, всякое внутреннее противоречие уничтожает причину, почему выбрано именно это историческое лицо; а нам не может нравиться то, чему причины мы не находим». Лессинг. Гамбургская драматургия, ч. 1, стр. 105. (Примечание Тургенева.) {26}

^[26] Лессинг. Гамбургская драматургия, ч. 1, стр. 105. (Примечание Тургенева.) — Отрывок из «Гамбургской драматургии» Тургенев приводит в собственном переводе. См.: «Hamburgische Dramaturgie». 1767–1769. В. 1 — В кн.: G. E. Lessings Sämtliche Schriften. Neue rechtmässige Ausgabe. В. 7. Berlin, 1839, S. 105.

² У г. Кукольника графиня Кёнигсмарк в 1706 году добивается аббатства Кведлинбургского, которое, по истории, она получила в 1698 году. (Примечание Тургенева.)

³ Ответ шведского правительства на манифест 1702 года был публично сожжен в Москве по наущению Паткуля. (Примечание Тургенева.)

непостоянную и беспокойную, пока Флемминг его не завербовал в саксонскую службу; увлеченный величием Петра и, быть может, патриотическим желанием упрочить судьбы своего отечества, поступил в число служителей русского царя, не разрывая, впрочем, связи с саксонским двором; интриговал, запутывал и распутывал дела, беспрестанно путешествовал, вступал в сношения с правительствами австрийским, прусским, датским, а при восшествии юного Карла на престол хлопотал о помиловании. Паткуль принадлежал к числу тех странствующих второстепенных дипломатов, космополитических государственных людей, которыми тогда полна была Европа. Таков был известный Гёрц, такой был знаменитый Альберони, его современники; но Паткулю до них, «как до звезды небесной», далеко.^[4] Страшная, мученическая смерть Паткуля возбудила к нему справедливое участие историков и, может быть, одна вывела из мрака, обессмертила его имя. Он предан был Петру потому, что чувствовал его превосходство и предугадывал его могущество; служил ему усердно, горячо, но действовал единственно из личных выгод. Героем же он не был, хотя рисковал своей головой не раз – *c'était le mauvais côté du métier*⁴, как говорят французы^{5[27]}. Читатели могут усомниться в справедливости нашего мнения; мы им представим доказательство неотразимое: собственные признания Паткуля. Капеллан Гиельмского полка, при котором находился пленный Паткуль, Лаврентий Гаген (Hagen), а не *Гагар*, как его называет г. Кукольник, оставил необыкновенно трогательное, поражающее своей истиной, описание *последнего дня* бедного Паткуля,^[5] которому он служил исповедником. Чтение этого документа, писанного на другой день казни, так сильно подействовало на нас, что мы решаемся поделиться нашими впечатлениями с читателем. Этот документ чрезвычайно интересен и в психологическом отношении: читая простой рассказ почтенного пастора, мы как будто присутствуем при предсмертных муках человека страстного, много пережившего, не слабого, но и не сильного, умного, но не необыкновенного, каким и был Паткуль... Такие люди ближе и понятнее нам, в них больше принимаешь участия. Вот этот рассказ (пастор говорит о себе в третьем лице).

...Полковник за тайну сказал пастору, что Паткуля казнят на следующий день, и поручил ему объявить это пленнику и приготовить несчастного к христианской кончине. Согласно с этим приказанием, капеллан отправился к Паткулю в третьем часу дня и нашел его лежащим на постеле. Поклонившись ему, пастор попросил его не пенять на него за неожиданное посещение, тем более, что он (пастор) не сомневается в том, что в бедственном его положении ему необходимы увещания и утешения божественного слова. «Я очень рад, – отвечал Паткуль, – и очень вам благодарен; поверьте, г-н пастор, ни одно посещение не могло мне быть более приятным. Ну, – прибавил он, – что нового?» Капеллан отвечал, что он должен ему нечто сказать наедине; Паткуль встал и обратился к дежурному офицеру. Капеллан тоже подошел к офицеру и шёпотом сообщил ему приказание полковника. Как только тот вышел, Паткуль взял пастора за руку... «Ах, г-н пастор, – начал он чрезвычайно взволнованным голосом, – что вы такое мне хотите объявить?» – «Милостивый государь, – возразил пастор, – я прихожу к вам с поручением Иезекии, я должен вам сказать, что Исаия сказал этому царю (Исаии, XXXVIII, 1): „Устрой в доме твоём, умираеши бо ты и не будеши жив!“» – Услышав эти слова, Паткуль снова лег, и слезы потекли у него из глаз. Пастор начал его утешать и сказал ему, что так как он искусен во всех науках, то, вероятно, хорошо знаком и с главнейшей из всех наук, с религией, и что поэтому не следует ему принимать с такой горестью и с таким волнением известие, кото-

чение Тургенева.)

⁴ это дурная сторона ремесла (франц.).

⁵ Известно, что и Герца казнили (гораздо с большей несправедливостью, чем Паткуля) после смерти Карла.^[27] «Mors régis, fides in regem mors mea» («Смерть короля – и моя смерть: я ему верен»), – сказал про себя Герц. Он умер с замечательной твердостью, чего тоже нельзя сказать про Паткуля. (Примечание Тургенева.)

^[27] Известно, что и Гёрца казнили (гораздо с большей несправедливостью, чем Паткуля) после смерти Карла. – Гёрц был казнен по недоказанному обвинению в растратах.

рого он притом должен был ожидать. «Ах, – сказал Паткуль, – я знаю старинную обязанность людей – умереть когда-нибудь; но эта смерть будет мне слишком тяжка». И он заплакал горько. Желая подкрепить его, пастор сказал ему, что еще неизвестно, какой род смерти ему назначен, но что она будет тем спасительнее для его души, чем страшнее для тела. Тогда Паткуль встал на постели и, сложа руки, воскликнул: «Господи Иисусе, пошли мне праведную смерть». Потом, обратившись к стене, продолжал: «Ах! Редукция⁶ в Швеции и Ливонии была причиной всех моих бедствий». Капеллан попросил его оставить все земные помыслы, которые притом не могли не быть ему неприятными, и подумать о небе и вечности. «Увы, добрый господин пастор! – отвечал он, – моя душа – старая язва, наполненная гноем; позвольте мне сперва выкинуть вон всё, что у меня на сердце; всё это должно выйти вон. Эта редукция, которая разорила столько людей – продолжал он, – эта редукция причина всех моих несчастий. Покойный король ударил меня по плечу и сказал мне: «Паткуль, защищайте права вашей родины, как следует честному человеку». Что же мне было делать? Но злые люди всё перетолковали в дурную сторону. Да простит господь Гастёру. Он много содействовал к моему несчастью. Сначала он заманил меня, потом совсем ослепил, потом сделался моим врагом и стал меня преследовать. Скоро я увижу тебя, вместе с моими другими обвинителями, перед престолом вечного судии. Борггейм тоже много мне повредил; но он по крайней мере действовал по приказанию. Швеция! Швеция! не со смехом и плясками покинул я тебя, бог тому свидетель! Но куда мне было деться? Не мог же я спрятаться в могиле вместе с мертвыми. Я не хотел пойти в монастырь: моя религия мне этою не позволяет; у союзных держав я не был в безопасности. Мне говорят: ты пошел к нашим врагам, следовательно, ты причиною этой кровавой войны. Но какой ложный вывод! Я пришел к ним как несчастный изгнанник, не как злой советник и бунтовщик. Тогда никто не полагал меня способным к тому делу, и действительно, я к этому не был способен. Когда я прибыл в Саксонию, всё уже было сделано, и конвенция с Москвией была подписана, прежде нежели я что-нибудь значил...»

⁶ Эта «редукция» состояла в конфискации многих казенных имений, которые дворянство себе присвоило или получило в дар более ста лет тому назад. Огромные земли, между прочим десять графств и пятьдесят баронств, подверглись этому конфискованию. (Примечание Тургенева.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

...заставить Паткуля ~ говорить о Мольере ~ после его смерти. – Тургенев при написании статьи пользовался не отдельным изданием трагедии Кукольника, а текстом, напечатанным в «Финском вестнике», о чем свидетельствует указание на с. 84. Имеется в виду следующее место из трагедии:

2.

...поговорить о самом Паткуле как об историческом лице. – Иоганн Рейнгольд фон Паткуль (1660–1707) – лифляндский дворянин, в 1702 г. перешедший на службу к Петру I и в 1704 г. посланный в Варшаву в качестве русского посла; 20 декабря 1705 г. Паткуля арестовали, в 1706 г. он был выдан шведам (по мирному договору между Августом II и шведским королем Карлом XII) и в октябре 1707 г. казнен.

3.

...и хоть тогда, за три года до Полтавской битвы, Европа не могла «пугаться» Петра... – Решающее сражение между русскими и шведскими войсками произошло 27 июня 1709 г. в районе Полтавы во время Северной войны и закончилось блестящей победой русских.

4.

Таков был известный Гёрц, таков был знаменитый Альберони ~ далеко. – Гёрц, граф фон Шлиц Георг Генрих (1668–1719) – первый министр и министр финансов шведского короля Карла XII; Альберони Джулио (1664–1752) – кардинал «испанский государственный деятель, широко образованный, умный и энергичный человек. Цитата, приведенная Тургеневым, взята из стихотворения Гёте «Утешение в слезах» («Trost in Tränen») в переводе В. А. Жуковского.

5.

Капеллан Гиельмского полка ~ описание последнего дня бедного Паткуля... – Тургенев дает отрывок из книги: M. Lorenz Hagens Feldpr. in der Armée Carls XII. Nachricht von der Hinrichtung Johann Reinhold von Patkul, Russischen Gen. Lieut. und Gesandten am sächsischen Hofe. Göttingen, 1783, SS. 4–39. Перевод – местами точный, иногда вольный и с пропусками. В отдельных местах введены фразы, отсутствующие в подлиннике, но уточняющие смысл. Кукольник ошибочно называет Л. Гагена Гагаром в примечании 24 к трагедии «Генерал-поручик Паткуль» (см.: Финский вестник, 1846, т. VIII, № 3, отд. I, с. 120).

26.

Лессинг. Гамб<ургская> драм<атургия>, ч. I, стр. 105. (Примечание Тургенева.) – Отрывок из «Гамбургской драматургии» Тургенев приводит в собственном переводе. См.: «Hamburgische Dramaturgie». 1767–1769. B. 1 – В кн.: G. E. Lessings Sämtliche Schriften. Neue rechtmässige Ausgabe. B. 7. Berlin, 1839, S. 105.

27.

Известно, что и Гёрца казнили (гораздо с большей несправедливостью, чем Паткуля) после смерти Карла. – Гёрц был казнен по недоказанному обвинению в растратах.